

Подписка на № 188. Для городских подписчиков: на 1 р. — 2 м. 1 р. 50 к. — 3 м. 2 р. — 4 м. 2 р. 50 к. — 5 м. 3 р. — 6 м. 4 р. — 7 м. 4 р. 50 к. — 8 м. 5 р. — 9 м. 5 р. 50 к. — 10 м. 6 р. — 11 м. 6 р. 50 к. — 12 м. 7 р. 50 к.

Для городских подписчиков: на 1 р. 25 к. — 2 м. 1 р. 25 к. — 3 м. 2 р. 50 к. — 4 м. 3 р. — 5 м. 3 р. 50 к. — 6 м. 4 р. 50 к. — 7 м. 5 р. — 8 м. 5 р. 50 к. — 9 м. 6 р. 50 к. — 10 м. 7 р. — 11 м. 7 р. 50 к. — 12 м. 8 р. 50 к.

За доставку „Нижнегородского Листка“ в редакцию уплачивается сверх стоимости газеты по Нижегородской губернии со 60 коп. в месяц. Доставка принимается со 1-го и 15-го числа каждого месяца. Издатель за каждую перемену адреса платит.

НИЖНЕГОРОДСКИЙ ЛИСТОК

ЕЖЕДНЕВНАЯ ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И БИРЖЕВАЯ ГАЗЕТА:

Редакция и контора: Большая Покровка, дома Преступникова. Телефон № 272.

Цена номера в роз. прод. 5 к.

Плата за объявление: первая строка 20 к. за строку текста, вторая строка 10 к. за строку текста. Объявления восточной, западной и годовые по особому соглашению.

Рукописи подаеть, въ случаѣ надобности, сокращенію и вычлѣнію. Статьи, присланныя безъ обозначенія условій гонорара, признаются безплатными. Возвращеніе рукописей для редакціи не обязательно, малѣйшій рукою, не хранится.

Рукописи, присланныя въ редакцію, должны быть обозначены именемъ, фамиліей и адресомъ.

Контора редакціи открыта для приема подписки и объявленій ежедневно съ 10 ч. утра до 8 ч. веч. Редакция для личныя объясненій открыта отъ 1 ч. до 5 ч. дня.

Кончина Ан. П. Чехова.

Послѣднія минуты.

— *Рус. Вѣд.* приводятъ выдержку изъ личнаго письма Г. Б. Юллова къ редактору *Рус-*

свихъ Вѣдомостей о послѣднихъ дняхъ жизни незабвеннаго писателя.

„...Въ Люцернѣ, гдѣ я думалъ отдохнуть нѣсколько дней съ братомъ, меня вчера утромъ настигла телеграмма Ольги Леопардовны съ извѣстіемъ о кончинѣ А. П.—ча. Я съ ближайшимъ поѣздомъ поѣхалъ въ Баденвейлеръ и очень кстати пріѣхалъ: хотя власти и нѣкоторые проживающіе здѣсь русскіе усердно помогали ей, но все-таки было ужасно тяжело, и нужны совѣтъ и помощь. Пробуду здѣсь до завтрашняго утра, провожу тѣло до Фрейбурга, гдѣ вагонъ прицѣпять къ скорому поѣзду на Берлинъ... Изъ моихъ телеграммъ вы знаете, какъ произошла кончина. Я лично въ Берлинѣ уже получилъ впечатлѣніе, что дни А. П. сочтены,—такъ онъ мнѣ показался тяжело-больнымъ: страшно исхудалъ, отъ малѣйшаго движенія кашель и одышка, температура всегда повышенная. Въ Берлинѣ ему трудно было подняться на маленькую лѣстницу Потсдамскаго вокзала; нѣсколько минутъ онъ сидѣлъ обезсиленный и тяжело дыша. Помню однако, что, когда поѣздъ отходилъ, онъ, несмотря на мою просьбу оставаться спокойно на мѣстѣ, выпулся изъ окна и долго кивалъ головой, когда поѣздъ двинулся. По пріѣздѣ сюда, въ Баденвейлеръ, онъ первые дни чувствовалъ себя бодрѣе, говорилъ о своихъ планахъ, мечталъ о путешествіи по Италіи и хотѣлъ вернуться въ Ялту черезъ Константинополь. Аппетитъ и сонъ были лучше; но уже на второй недѣлѣ здѣшняго пребыванія стали проявляться безпокойство и торопливость,—комната ему не нравилась, хотѣлось другого мѣста. Они перѣѣхали въ частный домъ Villa Frederike, и тамъ повторилось то же самое: пара спокойныхъ дней, затѣмъ снова желаніе куда-нибудь подальше. О. Л. нашла прекрасную комнату съ балкономъ въ Hôtel Sommer, и здѣсь онъ, сидя на балконѣ, любилъ наблюдать сцены на улицѣ. Особенно его занимало непрекращающееся движеніе у дома почты. „Видишь,—говорилъ онъ женѣ,—что значить культурная страна: всѣ выходятъ и входятъ, каждый пишетъ и получаетъ письма“. Выѣзжалъ А. П. почти ежедневно съ О. Л. кататься въ лѣсъ; проѣзжая черезъ деревню, любовался крестьянскими чистыми домами и вздыхалъ: „Когда же у насъ такъ мужики будутъ жить!“ Такъ дни проводилъ до начала этой недѣли... А. П. производилъ впечатлѣніе серьезно больного, но никто не думалъ, что конецъ такъ близокъ. Д-ръ Швѣреръ, превосходно относившійся къ пациенту, на мой вопросъ, была ли кончина и для него неожиданной, отвѣтилъ утвердительно: до наступленія кризиса въ ночь съ четверга на пятницу онъ думалъ, что жизнь можетъ еще продлиться нѣсколько мѣсяцевъ, и даже послѣ ужаснаго припадка во вторникъ состояніе сердца еще не внушало большихъ опасеній, потому что послѣ впрыскиванія морфія и вдыханій кислорода пульсъ сталъ хорошъ, и больной спокойно заснулъ. Только въ ночь съ четверга на пятницу, когда послѣ перваго камфарнаго шприца пульсъ не поправлялся, стало очевидно, что катастрофа приближается. Проснувшись въ 1-мъ часу ночи, Антонъ Павловичъ сталъ бредить, говорилъ о какомъ-то матросѣ, спрашивалъ объ японцахъ, но затѣмъ пришелъ въ себя и съ грустной улыбкой сказалъ женѣ, которая клала ему на грудь мѣшокъ со льдомъ: „На пустое сердце льда не кладутъ“.

Зналъ-ли онъ раньше, что умереть? И да, и нѣтъ. Когда теперь вспоминаютъ о нѣкоторыхъ его выраженіяхъ, краткихъ и какъ будто брошенныхъ случайно (ему вообще въ послѣднее время запрещали долго говорить), возникаетъ предположеніе, что мысль о близости смерти у него явилась раньше, чѣмъ у окружающихъ: за нѣсколько дней предъ кончиной, когда онъ послалъ мнѣ въ Берлинъ чекъ для полученія денегъ у Мендельсона, А. П. распорядился, чтобы деньги были адресованы на имя его супруги, и когда О. Л. спросила его, почему это, онъ отвѣтилъ: „Да знаешь, на всякій случай“... Послѣднія его слова были: „Умираю“, и потомъ еще тише, по нѣмечки, къ доктору: „Ich sterbe“... Пульсъ становился все тише... Умиравшій сидѣлъ въ постели, согнувшись и подпертый подушками, потомъ вдругъ склонился на бокъ,—и безъ вздоха, безъ видимаго внѣшняго знака, жизнь остановилась. Необыкновенно довольное, почти счастливое выраженіе появилось на сразу помолодѣвшемъ лицѣ. Сквозь широко раскрытое окно вѣяло свѣжестью и запахомъ сѣна, надъ лѣсомъ показывалась заря. Кругомъ ни звука, — маленький курортъ спалъ; врачъ ушелъ, въ домѣ стояла мертвая тишина; только нѣкіе птиць доносилось въ комнату, гдѣ, склонившись на бокъ, отдыхалъ отъ труда замѣчатель-

ный человек и работник, склонившись на плечо женщины, которая покрывала его слезами и поцелуями. Въ видѣ особой любезности къ berühmter russischer Schriftsteller отеля согласился оставить тѣло въ комнатѣ, но въ слѣдующую почу его тайкомъ, черезъ задніе корридоры, вынесли въ часовню, гдѣ оно останется до отхода поѣзда въ Россію. Здѣшняя публика, и въ особенности, конечно, находящіеся здѣсь русскіе, очень сердечно отпеслись къ великой потерѣ. Телеграмма приходитъ за телеграммой, во всѣхъ слышится неподдѣльная скорбь и сознаніе, что не стало великаго таланта и слишкомъ рано прекратилась эта жизнь, еще такъ много обѣщавшая...

— Въ четвергъ, 8-го іюля, въ 8 ч. 45 м. утра, по Варшавской желѣзной дорогѣ прибылъ въ Петербургъ гробъ съ тѣломъ А. П. Чехова. Въ виду того, что заранѣе не было точно установлено время, когда тѣло прибѣдетъ въ столицу, на вокзалѣ собралось всего человекъ 20, представители газетъ *Новости*, *Биржевыя Вѣдомости*, *Русь*, *Русскія Вѣдомости*, *Новости Дня*, *Русская Правда*, *Русскій Листокъ*. Въ 10¹/₂ ч. была отслужена панихида. Къ 1 ч. дня на вторую панихиду собралось уже больше публики, были редакторы *Новаго Времени*, *Новостей*, *Биржевыхъ Вѣдомостей*, *Мира Божьяго*, *Русскаго Богатства* и представитель Литературнаго Фонда С. А. Венгеровъ, который возложилъ на гробъ вѣнокъ съ надписью: „Пѣвцу тоски по идеалу отъ Литературнаго Фонда“. Во время панихиды пѣлъ большой хоръ пѣвчихъ, къ которому присоединились голоса изъ публики. Когда послѣ окончанія панихиды надо было перевезти гробъ на Николаевскую желѣзную дорогу, управленіе Варшавской дороги подало грязный товарный вагонъ, куда и хотѣли помѣстить гробъ и вѣнки. Присутствующіе, видя это, обратились къ присутствовавшему на панихидѣ министру путей сообщенія кн. М. П. Хилкову, который распорядился, чтобы гробъ былъ отправленъ на Николаевскую желѣзную дорогу въ томъ же вагонѣ, въ какомъ онъ прибылъ по Варшавской дорогѣ. Къ этому вагону, были прицеплены еще два, въ которыхъ размѣстилось духовенство и часть собравшейся публики. Раньше всѣ были увѣрены, что гробъ будетъ отправленъ въ Москву со скорымъ поѣздомъ въ 8 ч. 45 м. в. и значительное большинство публики разошлось въ увѣренности, что въ 4 ч. дня на Николаевскомъ вокзалѣ будетъ отслужена третья панихида, а въ 8 ч.—послѣдняя. Но какъ-разъ передъ самымъ отправленіемъ гроба на Николаевскій вокзалъ выяснилось, что со скорымъ поѣздомъ перевозить покойниковъ нельзя и что гробъ поэтому будетъ отправленъ въ Москву съ почтовымъ поѣздомъ въ 3 ч., вслѣдствіе чего многіе желавшіе отдать послѣдній долгъ покойному писателю не могли попасть на Николаевскій вокзалъ своевременно. Тѣмъ не менѣе къ 3-мъ ч. собралось довольно много публики, было нѣсколько депутацій, и на гробъ возложено много вѣнковъ: отъ союза драматическихъ писателей (изъ вишенъ, вишневыхъ листьевъ и цвѣтовъ), роскошный вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ отъ *Русскаго Богатства*, отъ А. С. Суворина, отъ редакціи *Новаго Времени*, громадный вѣнокъ отъ *Новостей*, отъ *Биржевыхъ Вѣдомостей*, изящный вѣнокъ отъ артистовъ Императорской драматической труппы, отъ учащейся молодежи, отъ А. Ф. Маркса, отъ редакціи *Нивы*, отъ *Петербургской Газеты*, отъ кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ, цвѣты отъ медичекъ и курсистокъ, цвѣты отъ дѣтей земляковъ, отъ таганрогцевъ, отъ женщины-врача и т. д. У многихъ въ рукахъ были живые цвѣты. Когда былъ поданъ вагонъ, передъ вторымъ звонкомъ, была отслужена панихида и при пѣніи „вѣчная память“, вся публика, какъ одинъ человекъ, присоединилась къ хору; слышны были громкія рыданія. По окончаніи панихиды поѣздъ медленно тронулся; толпа, обнаживъ голову, продолжала пѣть „вѣчная память“ и не расходилась, пока поѣздъ не скрылся изъ глазъ.

— Кромѣ оглашенныхъ уже многихъ выраженій соболѣзнованія по поводу безвременной кончины А. П. Чехова, *Рус. Вѣд.* получили еще слѣдующія телеграммы и письма:

Изъ Подольска: „Скорѣмъ объ утратѣ дорогого всѣмъ русскимъ людямъ Антона Павловича, могучей критикой пошлости жизни призывавшаго русское общество къ обновленію. Почитатели таланта незабвеннаго Чехова“.

Изъ Петербурга отъ студентовъ-грузинъ: „Всецѣло раздѣляя горе и скорбь всего русскаго образованнаго общества, мы льемъ горячія слезы, что такъ рано замолкъ великій художникъ, глубоко понимавшій русскую дѣятельность, поэтъ сумерекъ, горячо любимый А. П. Чеховъ. Яркій слѣдъ, имъ оставленный, и славное имя свѣтила русской литературы, вполне заслуженное имъ, сдѣлали Чехова бессмертнымъ и память о немъ вѣчной“.

Отъ группы студентовъ Константиновскаго межевого института: „Черезъ посредство вашей уважаемой газеты просимъ передать глубочайшее и искреннее соболѣзнованіе вдовѣ и родственникамъ А. П. Чехова. Постигшее ихъ горе касается близко и насъ. Не стало писателя, такъ художественно и талантливо указывающаго пошлостъ и безсмысленность стороны нашей жизни. Горе это чувствуется тѣмъ сильнее, что мы еще многого ожидали отъ плодотворнаго творчества умершаго. Каждое новое произведеніе его заставляло насъ жить и волноваться. Мы любили и любимъ Антона Павловича тою беззаветною любовью молодежи, которая умѣетъ цѣнить талантливыхъ и честныхъ людей. Въ умершемъ для насъ дорогъ писатель и человекъ“.

— Отъ ...

— Отъ врачей московскаго уѣзднаго земства: „Умеръ Чеховъ!... Умеръ великій художникъ, писатель-другъ, товарищъ-врачъ. Вся жизнь безпощадно клеймилъ онъ торжествующую пошлость, неправду и уродство нашей будничной жизни въ правдивыхъ образахъ и картинахъ. И только въ послѣднихъ, заключительныхъ произведеніяхъ его сверкнула надежда на лучшее, здоровое, свободное будущее, и послышался призывъ къ нему. Больно намъ за писателя-друга, обидно и больно за читателя!“

— 7 іюля, состоялось чрезвычайное собраніе членовъ московскаго товарищескаго кружка писателей изъ народа въ домъ калязинскаго подворья, по Черкасскому пер. Собраніе было посвящено обсужденію чествованія памяти скончавшагося Антона Павловича Чехова и порядка участія кружка въ его похоронахъ. Постановлено: возложить вѣнокъ изъ пальмъ и живыхъ цвѣтовъ; избрана депутація для возложенія вѣнка на гробъ, встрѣчи тѣла А. П. Чехова на вокзалѣ и проводовъ его до могилы. Затѣмъ были прочтены посвященія А. П. Чехову членовъ кружка, и постановлено назначить чрезвычайное собраніе въ 20-й день смерти А. П., которое посвятить чтенію и разбору произведеній скончавшагося великаго писателя.

— Въ числѣ многихъ вѣнковъ, возлагаемыхъ на могилу А. П. Чехова, прибывшій изъ Вѣны въ Москву по порученію галицко-русскихъ литературныхъ обществъ Д. М. Вергунъ возложить вѣнокъ съ надписью: „Всерусскому печальнику А. П. Чехову отъ галицко-русскаго народа“.

— Редакціей *Русской Мысли* 8-го іюля получены еще рядъ телеграммъ съ выраженіемъ соболѣзнованія по случаю понесенной утраты въ лицѣ А. П. Чехова. Отъ служащихъ въ контролѣ привислинскихъ желѣзныхъ дорогъ; отъ группы калужанъ, раздѣляющихъ горе, общее для всей русской интеллигенціи, потерявшей въ лицѣ А. П. любимаго чуткаго писателя, освѣщавшаго русскую жизнь среди

пошлости и сумрачнаго безвременья: отъ И. О. Марквардта, отъ антрепренера одесской драмы артиста Долинова, который просить возложить вѣнокъ на гробъ А. П. Секція гііены, воспитанія и образованія изъ Ниж.-Новгорода глубоко соболѣзнуетъ о преждевременной кончинѣ незабвеннаго писателя-художника, произведенія котораго никогда не потеряютъ своего огромнаго воспитательнаго значенія. Изъ Новой Вичуги писатель А. Потѣхинъ сообщаетъ, что вслѣдствіе болѣзни лишенъ возможности пріѣхать изъ деревни въ Москву, чтобы лично поклониться праху усопшаго глубоко чтимаго А. П., но мыслью и сердцемъ онъ—со всѣми любившими покойнаго и скорбящими о немъ. *Саратовскій Листокъ* шлетъ глубокое соболѣзнованіе всему русскому обществу. Русскій литературный кружокъ въ Ригѣ съ сердечнымъ сокрушеніемъ присоединяется къ общей скорби о преждевременной утратѣ русскою литературой лучшаго изобразителя безвременья. Правленіе Тургеневской бібліотеки въ Парижѣ глубоко скорбитъ о безвременной кончинѣ А. П. Чехова.

— Въ редакціи *Русской Мысли* получены для возложенія на гробъ А. П. Чехова слѣдующіе серебряные вѣнки: „Гордости родной литературы А. П. Чехову—*Одесскія Новости*“, „Моему доброму генію, незабвенному А. П. Чехову—И. Д. Сытинъ“, „Дорогому А. П. Чехову—благодарный читатель священникъ Г. Петровъ“, затѣмъ металлическіе вѣнки: „Дорогому А. П. Чехову отъ редакціи журнала *Осколки*“. А. П. Чехову отъ редакціи и книгоиздательства „Грифа“ съ надписью: „Мы услышимъ ангеловъ, мы увидимъ все небо въ алмазахъ“. Управляющаго московскимъ театральнымъ бюро Императорскаго театрального общества И. О. Пальмина на гробъ покойнаго уполномочили возложить вѣнки: „Императорское Русское театральное Общество“, „Императорская петербургская драматическая труппа и русскіе сценическіе дѣятели; вѣнокъ послѣднихъ съ слѣдующей надписью: „Великому художнику слова—отъ русскихъ сценическихъ дѣятелей“.

— Получены телеграммы отъ редакціи журнала *Всемирный Вѣстникъ*, отъ Гнѣдича, отъ русскихъ учащихся въ Фрейбургѣ (Баденъ), отъ *Орловскаго Вѣстника*.

— Московское общество народныхъ развлеченій прислало въ редакцію *Русской Мысли* письмо слѣдующаго содержанія: „Московское общество содѣйствія устройству общеобразовательныхъ народныхъ развлеченій раздѣляетъ со всей Россіей глубокую скорбь о потерѣ незабвеннаго и дорогаго А. П. Чехова и особенно сильно чувствуетъ тяжесть этой утраты, имѣя въ его глубоко-поэтическихъ произведеніяхъ неисчерпаемый источникъ для достиженія цѣлей общества. Вѣчная и свѣтлая память громадному сердцу поэта, который съ тихой лаской и любовью рисовалъ намъ вѣчно живые образы слабыхъ людей, показывая за мелочнымъ и случайнымъ ихъ существованіемъ глубину ихъ человѣческаго страданія и неугасимую вѣру въ свѣтлое будущее, предчувствіемъ котораго были полны его слова“.